

На правах рукописи

Попова Екатерина Викторовна

**КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ
(на примере анализа «территориальных» значений
этимологических гнезд *-гран-* и *-меж(д)-* в русском языке)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2013

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на кафедре русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук и искусств.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рут Мария Эдуардовна

Официальные оппоненты: **Плотникова Анна Михайловна**
доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», профессор кафедры современного русского языка

Дзюба Елена Вячеславовна
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Института филологии, культурологи и межкультурной коммуникации

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится 27 марта 2013 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Автореферат разослан «__» февраля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В предлагаемом диссертационном исследовании проводится анализ семантико-мотивационных отношений внутри этимологических гнезд *-гран-* и *-меж(д)-* в русском языке с последующей когнитивной реконструкцией их «территориальной» семантики.

Вопрос о реконструкции является в современном языкознании проблемным: решая задачи когнитивного порядка, важно опираться на выводы, полученные путем анализа как синхронного языкового среза, так и диахронного. В исследовании представлена развернутая реконструкция глубинной семантики на примере русских слов *грань / граница* и *межа*, а также семантических блоков внутри образуемых ими этимологических гнезд. Реконструкция учитывает производность значений, их смещения, взаимовлияния и восстановления в структурах языкового мышления, их возникновение и трансформацию. Этим обусловлена **актуальность** настоящей работы.

Объектом работы выступают лексемы основ *-гран-* и *-меж(д)-* с территориальной семантикой, а также смежных семантических полей в рамках исследуемых этимологических гнезд и отдельные репрезентанты лексико-семантического поля с понятийным ядром ‘граница земельного надела’, позволяющие проследить эволюцию ментальных представлений о маркерах освоенного земельного пространства.

Предмет исследования – когнитивные структуры, находящие отражение в исследуемых лексико-семантических и этимолого-семантических объединениях, другими словами – корреляции мыслительных репрезентаций и семантических комплексов дериватов этимологических гнезд корней *-гран-* и *-меж(д)-*, связанных с идеей территориального ограничения. Данные когнитивные структуры можно представить в виде моделей пространства, актуализируемых в сознании носителя языка с помощью того или иного слова-стимула.

Выбор данных корней (а в диахроническом аспекте – основ) случаен: лексемы *грань / граница* и *межа* регулярно являются взаимными категоризаторами в лексикографической традиции. Они в современном русском литературном языке являются основными репрезентантами понятия ‘граница земельного надела’, то есть выполняют функцию территориальных маркеров освоенного пространства.

В современном русском языке слово *граница* является универсальным категоризатором для множества других слов и представляет собой ядро обширного лексико-семантического поля. На уровне быденного сознания *граница* устойчиво связывается с территориальной семантикой. Именно поэтому для реконструкции пространственных моделей в исследуемых гнездах мы за «исходную точку» принимаем

ситуацию присвоения земли. Наиболее близкий синоним *границы* в этом понимании – *межа*. *Межа* связывается в наивном сознании как с ситуацией присвоения, так и владения земельным наделом. В словарях *межа* определяется через *границу*. При этом оба слова входят в общий словарь любого носителя русского языка (несмотря на ощутимую разницу в частотности употребления данных слов).

И *межа*, и *граница* – слова исконные, они являются репрезентантами обширных этимологических гнезд, следовательно, сопоставление развития территориальной семантики в данных гнездах интересно в типологическом плане.

Интересен тот факт, что с точки зрения первичных ономаσιологических моделей, данные лексемы (а, следовательно, и этимологические гнезда) имеют разнородные семантические импульсы, что указывает на различие стоящих за ними когнитивных структур.

Материалом исследования являются факты (лексемы и фразеологизмы) как русского литературного языка на разных этапах его развития (около 1500 контекстов), так и его диалектов (1362 контекста), а также данные родственных языков (372 лексических единицы), необходимые для сопоставления и верификации результатов. Источником материала послужили словари русского языка, а также электронная база данных Топонимической экспедиции Уральского университета. Материал отбирался путем фронтальной выборки по исследуемым основам. Лексика территориальной семантики – привлекательный и богатый для семантических исследований материал, поэтому можно утверждать, что он широко задействован в современных лингвистических трудах в различных аспектах. Это обусловлено тем, что одной из «характерных черт естественного языка» является локализм [Кравченко 1996: 3]. Не составляют исключения и выбранные нами для анализа слова *граница* и *межа*, за которыми стоит понятие ‘границы земельного надела’. Как само понятие, так и данные гнезда не раз становились объектом исследования современных лингвистов¹: от семиотических осмыслений Ю. М. Лотмана [Лотман 2004] и В. Н. Топорова [Топоров 1983, 1991], ставших классическими образцами анализа самой категории границы, лингвокультурологических описаний А. Я. Гуревича [Гуревич 1984], Т. В. Цивьян [Цивьян 1991], семасиологических этюдов Н. И. Толстого [Толстой 1997, 2006], до когнитивных построений

---

¹ Здесь стоит также упомянуть статью П. А. Флоренского «Термин» [Флоренский 1989], в котором, несмотря на общефилософский пафос изложения, также вскрываются некоторые проблемы этимологического и общекультурного характера, относящиеся к интересующему нас понятию.

Е. В. Рахилиной [Рахилина 2000] и Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1997, 2000], лексикологических работ Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995] и В. Г. Гака [Гак 2002], семантических и этимологических реконструкций Л. В. Куркиной [Куркина 2000, 2003, 2011]. Тем не менее, материал, представленный в данной работе, в полном объеме не был задействован для разработки модели реконструкции глубинной семантики мотивационных отношений исследуемых этимологических гнезд. Следует также сказать о том, что полученные в ходе исследования выводы вскрывают некоторые этноспецифичные особенности рассматриваемых понятий.

Теоретической базой данного исследования послужил ряд работ по когнитивной лингвистике [Арутюнова 1988, 2002; Болдырев 2001; Вежицкая 1996, 2001; Демьянков 1982, 1994; Джонсон и Лакофф 2008; Залевская 2001; Кравченко 1996, 2001; Крейдлин 1994; Кубрякова 1986, 1997, 1999, 2000, 2002, 2004; Михальчук 1997; Рахилина 2000, 2010; Стернин 2007, 2008; Талми 1999; Фрумкина 1999; Урысон 1998; Ченки 1996; Яковлева 1994, 1998, 2000; Levinson 1996, 2003; Talmy 1996 и др.], семантической реконструкции, этимологии, истории слов и диалектологии [Варбот 1969, 1995, 1996, 2001; Виноградов 1999; Дронова 2007, 2009; Куркина 2000, 2003, 2011; Откупщиков 2005; Попов 1957; Соколова 2007; Толстая 2002, 2008, 2011; Толстой 1997, 2006; Трубачев 1976, 1988, 2006 и др.], репрезентации лексической семантики [Абаев 1948; Апресян 1966, 1974, 1995; Арутюнова 1988, 2002; Бенвенист 1974; Гак 1988, 2002; Зализняк 2001, 2006; Кацнельсон 1947; Падучева 2004; Шмелев 2002-а,б; Щерба 1974 и др.] и семиотике [Лотман 2004; Моррис 2001; Топоров 1983, 1991 и др.], лингво- и культурологии [Байбурин 1983, 1993; Степанов 2001; Топорова 1999; Цивьян 1991, 2001, 2005-а, б и др.]. Отдельного упоминания стоит фундаментальная монография А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [Гуревич 1984], в которой традиционные пространственные константы рассматриваются в культурологическом и философском ключе.

Перечисленные выше исследования в той или иной степени соотносятся с проблематикой метаописания пространства. В современной научной гуманитарной парадигме данная проблематика занимает центральное положение. По этой причине сам обзор литературы, посвященной пространству, может превратиться в самостоятельное научное исследование. Остановимся кратко лишь на наиболее важных для данного исследования работах и сборниках. Одной из базовых в избранном нами направлении является серия коллективных монографий «Логический анализ языка», в особенности выпуски «Логический анализ языка. Языки пространства» [2000] и «Логический анализ языка. Семан-

тика начала и конца» [2002]. Не менее важной представляется монография «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте» [2007] из серии «Картины русского мира». Этноспецифические черты пространственных представлений раскрываются в последнем выпуске «красной» серии сборников трудов Московской этнолингвистической школы «Пространство и время в языке и культуре» [2011]. Узкий когнитивистский подход к изучению пространства обнаруживают зарубежные и отечественные исследования: фундаментальная монография Ст. Левинсона «Пространство в языке и мышлении» [Levinson 2003], труды Л. Талми (обширная методологическая статья «Отношение грамматики к познанию» [Талми 1999]), ставшие классическими работы Е. С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» [Яковлева 1994], А. В. Кравченко «Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке» [Кравченко 1996], Е. С. Кубряковой «Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке)» [Кубрякова 1997], Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» [Рахилина 2000]. Несомненный интерес вызывает также недавняя работа Л. В. Куркиной «Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка», так как в ней понятие границы, реализованное многими общеславянскими лексемами, рассмотрено подробно с интересующих нас этимологических позиций. При этом постулируемая автором когнитивная методологическая установка данной монографии понимается в самом широком смысле, что предоставляет возможность для дальнейших уточнений, интерпретаций и дискуссий.

Методическая установка исследования предполагает ряд традиционных структурно-аналитических процедур с привлечением классических приемов сравнительно-исторического метода. Следовательно, **метод** работы, исходя из особенностей предметной области, можно назвать комплексным. Основой методического комплекса является семантический анализ блоков территориальных значений в исследуемых гнездах. Данные построения включают элементы этимологического анализа, а также когнитивной интерпретации выявленных в его ходе мыслительных структур (пространственных моделей). Для получения модели прототипической ситуации необходим также компонентный анализ значения слова, а соответствующий формальный перекося этой собственно структурной методики компенсирует анализ многозначности базовых для исследования слов: *грань*, *граница* и *межа*. Внешняя реконструкция позволяет установить исходные семантические импульсы, характерные для того или иного гнезда, внутренняя – предполагает

рассмотрение результатов действия этих импульсов в рамках одного языка, а анализ контекстов исторических источников помогает вскрывать не только семантические, но синтаксические и прагматические факторы эволюции семантики. Таким образом, вырабатывается модель реконструкции глубинной семантики, которая предполагает, во-первых, воссоздание исходных ментальных представлений, стоящих за исследуемыми пространственными моделями, во-вторых, восстановление истории их дальнейшего развития, вплоть до актуального языкового состояния.

Новизна исследования заключается в когнитивной интерпретации отношений производности в этимологических гнездах корней *гран-* и *меж-*, соотносимых с ситуацией присвоения земельных угодий.

Теоретическая значимость работы определяется разработкой методики когнитивной реконструкции к репрезентантам рассматриваемых этимологических гнезд, что позволяет более гибко оценивать их системные связи, а также внешние влияния, провоцирующие то или иное изменение семантики, и внутренние (связанные с изменением мыслительных представлений) факторы их развития.

Практическая значимость работы видится в возможности применения ее результатов в вузовских курсах общего языкознания и когнитивной лингвистики, курсах по истории языка и этимологии, а также в решении задачи оптимального предоставления семантической и системной исторической информации (например, омонимии и многозначности) в словарях и базах данных.

Цель работы – разработка метода когнитивной реконструкции как возможной модели репрезентации семантической информации (на примере выявления базовых пространственных моделей, стоящих за основными репрезентантами понятия ‘граница земельного надела’ этимологических гнезд основ *гран-* и *меж-*: *гранью* / *границей* и *межой*).

Основные задачи исследования:

- ❖ теоретическое обоснование когнитивной реконструкции как реконструкции базовых мыслительных моделей посредством анализа глубинной семантики;
- ❖ выявление по лексикографическим данным основных лексем, имеющих значение ‘граница земельного надела’ и их семиотическая и когнитивная интерпретация;
- ❖ реконструкция структур глубинной семантики, отвечающих за ментальное представление о территориальных маркерах присвоения в этимологических гнездах корней *гран-* и *меж-*;

- ❖ сопоставление результатов реконструкции в рамках разных языковых идиомов и исторических срезов для получения общей картины развития территориальных представлений.

Положения, выносимые на защиту.

1. Взаимное стремление когнитивной лингвистики к объяснительности, а этимологии к вскрытию глубинных семантических факторов развития смыслов порождают необходимость в выработке нового типа реконструкции – реконструкции глубинной семантики. Реконструкция глубинной семантики предполагает процедуру восстановления эволюции понятий и представлений, стоящих за отдельными словами, а также внутри этимологических гнезд. При этом для анализа понятий и представлений вводится категория наблюдателя, определяющая в целом когнитивную научную парадигму.

2. Рассматриваемое в работе понятие ‘границы земельного надела’ на синхронном уровне включает три разных аспекта: отвлеченно-пространственный, ландшафтный и условный. В синонимичной для современного русского литературного языка паре *граница* – *межа*, *граница* является универсальным категоризатором, *межа* обнаруживает территориальную доминанту.

3. Социальное пространство выстраивается с помощью понятия ‘граница земельного надела’ по концентрической модели, предполагающей в качестве точки отсчета фигуру наблюдателя. Однако это не единственная возможная модель пространственной ориентации.

4. Рассматриваемые этимологические гнезда в период формирования русского языка как национального имели иные смысловые доминанты, которые вскрываются с помощью внешней и внутренней реконструкции, а также анализа контекстов исторических источников составляющих их лексических объединений.

5. Этимологическое гнездо корня *гран-* первоначально было обусловлено вегетативной семантикой, рефлексy которой прослеживаются и в пространственных значениях исследуемого этимологического гнезда. Топологическая образная схема *грань/ границы* в исторической перспективе тесно связана с непосредственной обработкой присваиваемого земельного участка, а также с моделью последовательного движения наблюдателя по его периметру.

6. Изначальный импульс корня *меж-* был задан обобщенно-абстрактной семантикой ‘центрального, срединного местоположения’, устойчиво транслирующей понятия, связанные с маркированием земли. Однако в данном случае происходит семантическая инверсия, так как *межа* обозначает ‘границу’ (т. е. периферию) земельного надела,

что позволяет говорить о топологической схеме, изначально отвлеченной от фигуры наблюдателя, предполагающей панорамный охват местности «сверху».

Апробация работы. Результаты проведенных исследований апробированы на научных конференциях: международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009, 2012), международном молодежном научном форуме «Ломоносов 2010» (Москва, 2010), VI международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск 2011), межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург 2011), конференции молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социolingвистика» (Санкт-Петербург, 2012).

По теме диссертации опубликовано 7 работ, в том числе одна – в рецензируемом научном издании, рекомендованном ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее научная новизна и актуальность, определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуется материал, теоретическая и практическая значимость, описывается структура работы.

В первой главе «**Когнитивная реконструкция как метод лингвистического исследования**» характеризуется научный контекст этимологии и когнитивной лингвистики, раскрываются особенности взаимодействия и взаимовлияния данных направлений, находящие отражение в такой методике и возможной модели описания семантической информации как «когнитивная реконструкция».

В первом разделе, имеющем историко-методологический характер, рассматривается трансформация понятия «реконструкции» в сравнительно-исторической парадигме языкознания. Реконструкция представляет собой «комплекс приемов и процедур воссоздания незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путем исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы или семьи языков» [ЛЭС: 409]. Целью ее является раскрытие «поэтапного развития и исторического изменения частных подсистем и системы в целом языков, восходящих к единому источнику» [Там же]. Термин «реконструкция» вполне применим к частным явлениям, относящимся к конкретному отдельному языку. Очевидна также его неоднозначность: с одной стороны, реконструкция всегда представляет собой

процедуру восстановления некоторого предполагаемого состояния праязыковой системы, с другой стороны, она является результатом этой процедуры.

По отношению к источникам исследуемых фактов различают реконструкцию внешнюю и внутреннюю, а также филологический анализ (контекстный анализ исторических источников). Внешняя реконструкция предполагает обращение к сравнению параллельных явлений в родственных языках. Внутренняя реконструкция концентрируется на синхронных фактах одного языка, особое внимание в ней уделяется языковым аномалиям и реликтам. Процедура филологического анализа направлена на исследование вариативности какого-либо факта по данным исторических письменных источников. Для получения достоверных результатов реконструкции целесообразно комплексное применение данных методик.

Объект реконструкции на протяжении развития научной этимологии кардинальным образом изменился: от формального восстановления фонетического облика предполагаемых праформ отдельных языковых фактов реконструкция пришла к пошаговой интерпретации семантических (в том числе глубинных семантических) переходов, призванной объяснить направление языкового развития. Метод семантической реконструкции в современной этимологии является одним из самых продуктивных, его теоретическое обоснование представлено в трудах О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, С. М. Толстой, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркиной и др.

В реконструкции, предполагающей восстановление последовательности семантических переходов и моделей, в последнее время очевиден интерес к восстановлению глубинных уровней семантики, связанных с эволюцией когнитивных представлений. В связи с этим оправдывает себя введение нового обозначения для процедуры восстановления языковой «глубинной» семантической информации слов и лексико-семантических объединений (например, на основе одного понятия) в исторической ретроспективе. Такую процедуру целесообразно назвать «когнитивной реконструкцией».

Во втором разделе обосновывается выбор терминологической базы исследования, при этом основное внимание уделяется двум центральным терминам – «понятию» и «представлению».

Языковая опосредованность вовлекает термин представление в терминосистему когнитивной лингвистики. В какой-то мере представление соотносимо с общепринятым в зарубежных трудах по когнитивной лингвистике термином *representation*, прижившимся без перевода и в отечественной традиции. Однако репрезентация (ментальная

репрезентация) понимается не только как единица представления, но и как совокупность представлений, и как процесс «представления <...> мира в голове человека» [КСКТ: 157]. Представления (или репрезентации) обычно описываются с помощью отвлеченных моделей, которые известны под названием когнитивных структур. Можно утверждать, что когнитивные структуры являются не столько феноменами психической реальности, сколько основными инструментами когнитивного метаописания.

Традиционная трактовка термина понятие («общее слово») так же малоудовлетворительна, как и отождествление его с термином концепт, предполагающим большую степень вовлечения прагматической информации в мета- описание лексических единиц, или значением слова. Немаловажно, что понятие обладает такой формальной двусмысленностью: для него можно подобрать однословное выражение, а затем расщепить его на пучок сущностных признаков. Со значением слова как переводом понятия на язык метаописания имеем мы дело, пытаясь выявить существенные понятийные признаки (в традиционной структурной семантике именуемые семами).

Возможность реконструировать семантику отдельных языковых фактов (например, слов и фразеологизмов) в свете когнитивной парадигмы позволяет говорить о реконструкции единиц глубинного семантического уровня – понятий и представлений, несмотря на то, что такие реконструкции будут носить лишь вероятностный характер.

Третий раздел раскрывает некоторые методологические установки когнитивной реконструкции.

Если принять во внимание естественные процессы деэтимологии и постоянного «переосмысления словарного состава», связанные с забвением столь важной семантической составляющей конкретного слова (или этимологического гнезда) как «внутренняя форма», становится очевидным, что меняются не только значения слов (как условные формулировки понятийных структур), но и сами понятия, а соответственно, и представления, стоящие за данными понятиями в силу изменения конкретных «экстралингвистических» условий жизни социума. Изменение конкретных технологий, качественно иные способы взаимодействия с окружающей средой не могут не сказываться на способах отражения действительности в человеческой психике, то есть обуславливать и ее изменения.

Выделение хотя бы двух основных хронологических слоев для проведения когнитивной реконструкции является необходимым условием исследования, ставящего своей задачей обнаружение различий

трансформации представлений человека об окружающей действительности.

Представление опосредуется в языковом отношении понятием; за каждым понятием стоит слово с конкретной историей, словообразовательными и этимологическими связями. При когнитивной реконструкции фокус исследовательского внимания направлен на интерпретацию глубинных семантико-мотивационных отношений конкретного слова.

Факты родственных языков помогают установить наиболее общие семантические потенции исследуемого слова или гнезда, выявить некий возможный в прошлом семантический инвариант для производящей основы, или спектр возможных для него смысловых доминант. Внутренняя реконструкция, предполагающая обращения к разнородному материалу одного языка (и прежде всего речь здесь идет о диалекте) предоставляет возможность проследить развитие выявленных семантических потенций. Филологический анализ позволяет установить (в некоторых случаях) цепочку произошедших изменений, конкретизировать картину межъязыковых контактов, повлиявших на конечное соотношение семантических элементов в этимологических гнездах, выявить некоторые особенности сочетаемости исследуемых слов, определить их парадигматические параметры (встроенность в синонимические ряды, характер полисемии и омонимии).

Первостепенное значение для когнитивной реконструкции приобретают также категории, связанные с фигурой наблюдателя. В терминологии Л. Талми это схематические системы конфигурационной структуры, перспективы, внимания и вложенности. Данные схематические системы как когнитивные категории служат лишь для восстановления самого общего каркаса выявляемых представлений и используются в качестве инструментов анализа многими отечественными исследователями: Е. С. Кубряковой, А. В. Кравченко, Е. В. Рахилиной.

Таким образом, сверхзадачей когнитивной реконструкции следует признать воссоздание общей модели представлений, характерной для предшествующих периодов развития языкового сознания, в сравнении с современной моделью данных представлений. При этом представления репрезентируются конкретным семантическим блоком в рамках конкретного этимологического гнезда.

Вторая глава **«Семиотические особенности слов *граница* и *межа* в современном русском языке. Наивные представления о территориальной границе в современном языковом сознании носителей русского языка»** раскрывает в сопоставительном ключе особенности глубинной семантики репрезентантов понятия 'граница земельного надела', связанного с ситуацией присвоения земли.

Пространственная реальность, находя свое отражение в языке, преломляется человеческим мышлением совершенно особым образом: она представляет собой основу для моделирования многих познавательных и концептуальных структур, благодаря которым и может осуществляться процесс языкового мышления как таковой. Категория территориального ограничения, порожденная оппозицией свое-чужое, выступает главным оператором ориентации я в системе координат мыслительной деятельности.

Говоря о *границе* в аспекте семантического (а также концептуального и даже фреймового) анализа, мы неизбежно должны высветить отношение этого языкового знака к составляющим семиозиса на синхронном уровне: смыслу, субъекту и другому знаку. Следовательно, знак может быть рассмотрен с точки зрения семантики, прагматики и синтактики.

Первый раздел второй главы посвящен раскрытию глубинной семантики слов *граница* и *межа*.

Идеи разграничения / ограничения проистекают из идеи деления пространства.

Граница – отвлеченное понятие, и ее можно определить как **функциональный элемент пространства** (где функцией является деление), или как **(универсальный) пространственный оператор**.

Словарь С. И. Ожегова дает обобщенное значение слова *граница*: ‘линия раздела между территориями, рубеж’ [Ожегов: 143], тогда как еще в словаре Д. Н. Ушакова намечена одна из самых интересных семантических особенностей слова *граница*: в нем отдельно представлено значение, связанное с представлением о *границе* государства как некой умозрительной линии, отделяющей владения одного социума от владений другого: ‘линия раздела между двумя владениями, областями’; ‘линия, разделяющая территории государств; рубеж’ [Ушаков 1: 616]. Подобные, но чуть расширенные толкования даются в Малом академическом словаре: ‘условная линия, разделяющая смежные области, владения, участки, являющаяся пределом какой-л. территории; черта раздела’; ‘условная линия, разделяющая территории или воды смежных государств; рубеж’ [МАС 1: 343]. Большой академический словарь также последовательно сохраняет приведенные выше толкования, но обобщенное значение в нем распадается на два самостоятельных значения: ‘естественная (как ров, река) или условная линия, разделяющая две смежные земли, области и т. п.; межа, черта раздела’ и ‘предел, конец’ [БАС 3: 368–370].

Дифференциальные семы данного значения *границы* (при разной степени конкретизации) проявляются в подзначениях главного толко-

вания. Первая из них указывает на природный объект деления: землю; вторая – на условность (что косвенным образом связано с идеей присвоения данной земли). Таким образом, можно непротиворечиво определить эти семы как **территориальность** и **условность**.

Следовательно, можно предложить следующее отвлеченное толкование *границы*: *граница* – **условный территориальный оператор**.

Что касается слова *межа*, то в семантике данного слова на первый план благодаря поддержке второго значения выходит сема **территориальности**. В словарной традиции единственным категоризатором первого значения *межи* выступает *граница* как ‘граница земельных участков, владений’ [Ожегов: 348; БАС 6: 778]. Второе значение, кроме того, имеет категориально-лексическую сему ‘полоса’, что отсылает к сельскохозяйственной практике условности: *межа* ‘непропаханная (нераспаханная) узкая полоса между полями’ [Ушаков 2: 172; БАС 6: 778; МАС 2: 244].

На основании наблюдений над семантикой слов *граница* и *межа* можно сделать вывод о том, что их основные значения объединяют как минимум три разных наивных понимания рассматриваемого понятия.

Таким образом, в рамках основного значения задействованы три семантические сферы:

- собственно (и отвлеченно) пространственная, включающая в себя представление о границе как о некой абстрактной линии, делящей некоторое пространство;

- ландшафтная, представленная в тех значениях, где основную роль играет концептуализация ограничения какой-либо конкретной местности;

- социальная, в которой находят отражения представления носителей языка об ограничениях пространства с точки зрения определенного сообщества, занимающего ограничиваемую территорию.

Выделение данных семантических сфер позволяет сформулировать три основные пространственные сферы понятия территориального оператора ограничения. Две из них можно определить как топологические, а третью – как топосоциальную.

Во втором разделе второй главы представлены некоторые особенности глубинного синтаксиса исследуемых лексем. «Глубинность» синтаксических ролей проистекает из того факта, что рассматриваются не столько пропозиции самих слов *граница* и *межа*, сколько стоящая за ними ситуация присвоения и освоения земельного надела в ее возможных модификациях. И хотя в разделе используется терминология, традиционно относимая к структуре пропозиции, кажется небезосновательным ее применение именно к категории ситуации.

С синтаксической точки зрения, *граница* в территориальном осмыслении является классическим локативом, она обозначает место: *На границе тучи ходят хмуро./ Край суровой тишиной объят./ У высоких берегов Амура/ Часовые Родины стоят.* (Ласкин) [БАС 3: 369–370].

В языковой практике реализация абстрактной локативной модели слов *граница* и *межа* характерна для сферы географических представлений (как наивных, так и научных). Этим объясняется бедность сочетаемостных возможностей *границы* (*граница* выступает либо в роли формального подлежащего, либо выполняет функцию предиката): *граница между земельными участками* [Ожегов: 143]; *За плетнем, служившим границей сада, шел целый лес бурьяна* (Гоголь) [МАС 1: 343].

Совсем иной вид имеет модель пропозиционального представления значений исследуемых слов в том случае, когда рядом с ними появляются дейктические единицы или атрибуты с ярко выраженной прагматической коннотацией.

Очевидность этой модели прослеживается в следующих примерах, где в качестве атрибутов *границы* и *межи* выступают притяжательные прилагательные *наш* и *свой*: *Мы теперь, без всякого преувеличения, не только в состоянии отразить вооруженное нападение врага на любом участке наших огромных границ* [БАС 3: 369–370]; *Летом приехали землемеры наметать наши межи* (Макаренко) [БАС 6: 778]. Здесь за указанием на принадлежность земли высвечивается посессор («Я» и «Мы»).

Данная модель может сворачиваться, якобы «теряя» посессора, при возможности восстановления из контекста следующей цепочки: *граница пространства = граница (нашего) пространства (государственная граница* [Ожегов: 143]; *охрана советских границ* [МАС 1: 343].

Принимая во внимание бинарность позиции субъекта ситуации присвоения (посессор и контрагенс), а также представление о целостности обозначенного пространства, также можно говорить о локативной функции *границы* и *межи*, ведь *охраняют, стерегут* не саму *границу*, а присвоенное и обозначенное с ее помощью пространство, *нарушают* не указатель, а целостность пространства, принадлежащего Другому.

Таким образом, у исследуемых слов *граница* и *межа* может проявляться либо предикативная, либо локативная функция; позиция субъекта им несвойственна, даже если проявляется на формальном уровне, а позиция объекта связана или с умозрительным пространством карты или с конкретной технологией маркирования присвоенного пространства.

Третий раздел второй главы посвящен исследованию прагматики слов *граница* и *межа*. Говоря о прагматике того или иного языкового факта, мы чаще всего имеем в виду его соотношенность с субъектом в самом широком смысле.

С точки зрения прагматики *граница* в наивном сознании может быть представлена различными топоструктурными моделями, предполагающими разный уровень освоения окружающей реальности. *Граница* может воссоздавать в языковом и пространственном мышлении совершенно разные по качеству выделяемых сознанием концептуальных оснований образы познаваемого пространства, в зависимости от модели устройства этого пространства. Модель определяется категорией субъекта-организатора. В одном случае пространство может быть предельно объективированным, во втором – субъект включается в данное пространство.

В примерах к толкованию самого слова *граница* нередко находим такие речения: *граница колхоза, граница между Европой и Азией* [МАС 1: 343]; *граница леса и степи, обозначить, изменить границу; Здесь проходит граница между странами, областями, земельными участками* [БТС: 226]; *Река давно служила естественной границей этих районов* [Ушаков 1: 616]. Здесь, как нам представляется, описываемое пространство безразлично к категории субъекта, причем это заметно не на уровне коннотации, а в ядерной зоне проявленного значения. *Граница* является оператором наивной геометрии (причем геометрии в этимологическом смысле, как технологии измерения земли). Пространство, конструируемое с помощью этой *границы*, не столько данность, в которой субъект заинтересован прагматически, сколько умозрительный конструкт. Здесь наблюдается большая степень абстрактности, но меньшая степень условности, как договоренности субъектов о данной конкретной *границе*.

Если обратиться к ситуации присвоения неким сообществом участка пространства (земли), то первоначальным способом его присвоения будет его обживание, обработка. И в данном случае главную роль будут играть конкретные ландшафтные особенности присваиваемого участка, то, что дано природой, естество этого фрагмента действительности. Поэтому маркером (ярлыком) присвоения в каждом конкретном случае выступит нетипичная, аномальная по отношению к области присвоения рельефная (ландшафтная) структура – «естественное препятствие».

Граница дейктична, так как выстраивает пространство вокруг фигуры говорящего (по крайней мере, в большей степени можно говорить

о взгляде говорящего (наблюдателя) на *границу* «изнутри» некоего замкнутого ею участка окружающего ландшафта).

С одной стороны, граница представляет собой «разграничитель» пространства – некий условный оператор деления, с другой стороны – может выступать «ограничителем» данного же пространства, актуализируя не столько представление о разделении пространства, сколько о целостности поименованного с ее помощью пространства, о его принадлежности тому или иному субъекту. Таким образом, понятие ‘граница’ предлагает две основные топологические модели реконструкции пространства:

1. Деление некоторого пространства и, соответственно, выдвижение на первый план в сознании носителя языка самого представления о границе-линии (разграничение) и областях разграничиваемого пространства (модель пространства Лейбница).

2. Ограничение некоторого пространства, которое предполагает усиление представление о самом, обозначаемом с его помощью пространстве (собственно ограничение, то есть реализация модели пространства Ньютона).

Третья глава **«Внешняя реконструкция: выявление базовых семантических импульсов в праславянских основах **gran-* и **medj-*»** освещает некоторые аспекты дописменной истории развития этимонов исследуемых слов, связанные с территориальной семантикой. Также для исследуемых слов восстанавливаются исходные фреймовые структуры, которые подводят к прототипическим ситуациям, стоящим за каждым отдельно взятым языковым фактом. Следовательно, неизбежно встает вопрос о соотношении данных конфигурационных и фреймовых структур с категориями перспективы, внимания и вложенности.

В первом разделе третьей главы разрешается вопрос о том, как изначальная вегетативная семантика этимона **gran-* ‘расти, давать побеги’ [ЭССЯ 7: 106] в славянских языках постепенно трансформируется в территориальную. На праславянском уровне представленное значение подвергается существенному изменению: семантика процессуальности, выражаемая на морфологическом уровне глаголом, уступает место семантике результативности, выраженной причастной формой, что находит отражение в основе **gra-n-*.

Кроме выявленной вегетативной линии развития значений в данном этимологическом гнезде имеется наиболее репрезентативный в количественном отношении семантический блок, напрямую связанный пространственными структурами. Обычно, когда говорят о слове *granь как о территориальном маркере присвоения, то обращают вни-

мание на этот блок, реконструируя для него значение ‘выступ, острый угол’ [Куркина 2000: 131].

Таким образом, в рассмотренном этимологическом гнезде можно выделить две исходных топологических схемы: вегетативную и стереометрическую. Первая схема представляется для данного этимологического комплекса наиболее архаичной. Она имеет вид дерева – ствола с отходящими в разные стороны ветвями. Для подобной конфигурационной структуры в отношении вписанности в пространство сложно говорить о перспективе (ведь субъект в данном случае внеположен актуализируемому физическому пространству). Перспектива, связанная с данной моделью проявляет себя в блоке территориальных значений (метафорическое переосмысление *границы* как ‘просеки’).

Во втором разделе третьей главы исследуются топологические модели этимона слова *межа* – *medja ‘межа’, ‘граница земельного участка’ [ЭССЯ 18: 46], представленные в различных славянских языках. Также ставится вопрос о соотношении данной древней семантики с глубинным значением основы **medj-* ‘срединный’ [Там же]. Решить задачу, было ли территориальное значение в данном этимологическом гнезде первичным, представляется невозможным. Очевидно, что комплекс семантических признаков, свойственных ‘середине’, включает в себя устойчивые представления о пространстве (не только территориальном, но и о геометрическом, умозрительном), времени, мере и норме, что приводит в нем к развитию устойчивых аксиологических коннотаций. И связано это с тем, что *межа* воспринималась отнюдь не как ‘locus’, но как ‘spatium’, собственно ‘промежуток’. Об этом свидетельствуют те факты, которые соотносят *межу* не столько с идеограммой ‘границы’, сколько с идеограммой самого возделываемого пространства, ‘участка земли’.

Интересен тот факт, что, видимо, в архаичных территориальных представлениях мы не найдем идеи о принадлежности *межи* одному из соседствующих наделов (иногда эта не-принадлежность манифестируется как обоюдная принадлежность: // *Межа и твоя и моя* // [ПРН: 490]). Напротив, более вероятно, что это ‘пограничное пространство’ *межи* не принадлежало никому, а точнее принадлежало пространству иного мира.

В отношении конфигурационной схемы *межи* можно говорить о таких топологических признаках, как линейность, спациональность, принадлежность пространству инобытия (исходя из дискретных пространственных представлений: *межа* не принадлежит ни одному из хозяев соседствующих земельных наделов). В семантике слова *межа* заложена модель: ‘центр’ > ‘периферия’. Впрочем, данная модель имеет также

онтологически обусловленную основу: разворачивание пространства из центральной точки [Топоров 1983: 233]. Субъект, конечно, не вынесен здесь «за скобки», он соотносится непосредственно с занимаемым им пространством.

В четвертой главе «**Внутренняя реконструкция как инструмент выявления разнообразия семантических потенциалов в этимологических гнездах корней *гран-* и *меж-***» дается развернутый анализ семантических отношений дериватов исследуемых этимонов на материале русских диалектов. По сравнению с литературным языком, диалектные данные обнаруживают не только многообразие реализаций семантических потенциалов исследуемых слов и этимологических гнезд, но также показывают заметные расхождения когнитивных структур исследуемых понятий и представлений. В ней решается концептуальный для данного исследования вопрос: каковы же когнитивные предпосылки появления понятия ‘граница земельного надела’, как складывались представления об условной умозрительной *границе*, которая отличается от вещественного конкретного владельческого знака (так как отвлечена от материального субстрата и является абстракцией). Не менее широкий круг вопросов связан с различиями в развитии семантики рассматриваемых слов.

Первый раздел четвертой главы представляет собой описание нескольких моделей маркирования присвоенного пространства с помощью *грани* / *границы*. Из данных моделей выделяется та, где *грань* / *граница* – это семиотизированная точка присвоенного пространства (находящая выражение в идеограмме ‘владельческого знака’). Совокупность подобных точек может восприниматься как цепочечная структура, обусловленная движением наблюдателя вдоль границы присвоенной территории.

В случае подсеки мы имеем дело с *гранью* не только как с процессом затесывания деревьев по периметру присваиваемого участка, но и вырубкой деревьев вокруг него [Куркина 2000: 128]. Поэтому логично, что *грань* становится обозначением ‘лесной просеки’ (вят., перм., сиб., урал.).

Кроме обширного гнезда, представляющего в русском языке различные результаты *гранения*, глагол *гранить* включает также семантическое объединение, в котором объектом обработки выступает земля. Выделяется несколько способов такого воздействия, связанных с разными видами сельскохозяйственных работ: *гранить* – ‘боронить (пашню) поперек’ (брян.), ‘прорезывать бороздами для стока воды’, ‘делать в виде насыпи с крутыми откосами, гранями’ (пск.). Соответственно, закономерно появление в данном семантическом блоке идеограмм: ‘гряд-

ка' – *gráń* (карел.), *gráńka*, *grjánka* (карел.), также *grjáná* (арх.), 'грядки' – *grjánki mń* (арх., карел.); 'узкая грядка', 'узкая гряда земли' – *gráń* (перм., пск.), *gráńka* (перм., пск.), *gráńочка* (пск.).

Земля не только обрабатывается, но также разделяется и измеряется. Дополнением к перечисленным выше фактам может служить также *gráń* 'граница между двумя полями с разными посевами' (вят.) [ОСВГ 3: 87–88].

В целом же *gráń* единоличного земельного надела повсеместно подверстывается под идеограмму 'межа': 'граница земельных участков, межа' (ворон., новг., новосиб., поволж., ряз.).

Все же подобные способы маркировки присвоенного пространства были более характерны для обозначения коллективной земельной собственности, земли, принадлежащей первоначально роду, затем – жителям одного селения, в дальнейшем – жителям одного уезда, губернии (в современном варианте – области). В этом смысле слово *gráń* является народной универсалией, отражающей идеограммы 'граница между селениями', 'граница между землями соседних хозяйств', 'граница между землями соседних административно-территориальных областей' (алт., ворон., вят., дон., кемер., новосиб., приоб., том., челяб., южн. урал.).

Вне зависимости от технологии маркирования «своего» пространства, дериваты корня *гран-* обнаруживают тенденцию к генерализации идеи *границы*. Реальная граница, соотнесенная с конкретной местностью, становится постепенно понятием отвлеченным, репрезентирующим скорее пространство ментальное.

Происходит трансформация исходных когнитивных структур, характерных для данного этимологического гнезда. Вегетативная топологическая схема была вытеснена на периферию. Стереометрическая схема, связанная с обработкой поверхности, закономерно нашла в нем свое отражение, так как земля тоже воспринимается как поверхность, нуждающаяся в обработке. Семиотизированная цепочечная схема в зависимости от объекта семиотизации (ориентира) приобрела свойство изменять масштаб. Непосредственные процедуры по возделыванию присваиваемого участка земли и их результаты соотносятся с осваиваемым пространством, пространством одного хозяйства. Ландшафтные ориентиры выстраивают цепь более высокого порядка: так определяются границы земель селения, осознающего себя целостностью коллектива (вплоть до макрообъединений, представляющих собой совокупность жителей района, области). Наконец, представления о границах этнического расселения, импортируемые (в большинстве случаев) из литературного языка, обретают вид предельно абстрактной схемы, не соотносимой с конкретными ориентирами, схемой, соотнося-

щейся с пространством умозрения. Представления о социуме формируют схематическую систему вложенности, которая неоднократно принималась за базовую схему для самого понятия 'граница'.

Во втором разделе четвертой главы речь идет о базовых моделях представления пространства, формируемыми семантикой дериватов слова *межа*. Базовая образная схема этого слова имеет два основных признака: спациональность и дискретность описываемого ею пространства (в противовес семиотической линейной дискретности схемы, свойственной *грани* / *границе*).

Наряду с собственно территориальными семантическими блоками исследуемого гнезда, в данном разделе рассматриваются дериваты, имеющие временную семантику, позволяющие вскрыть некоторые этноспецифические черты понятия 'межа'. Здесь уместно сказать об имманентном синкретизме времени и пространства в народной картине мира: с помощью слов *межа́* и *меже́нь* в их разнообразных значениях вырисовывается целостная картина ситуации разгара сельскохозяйственных работ; они как бы задают единый хронотоп для данной деятельности: тяжелый физический труд (сенокос, уборка урожая, заготовка впрок ягод и грибов – все вместе) на *меже́* (в пределах освоенного пространства) в самую *меже́нь* (непродолжительную «горячую» пору страды).

В исследуемом гнезде проявляется семантика меры и нормы, соотносимая с понятием уровня (что неизбежно вовлекает в исследуемое гнездо аксиологические коннотации): ср. значение дериватов *межи* разной степени производности – *межень*, *меженок м.* и *меженица* – 'середина, по протяженью (особенно в вышину) или по времени; всякое среднее состоянье, между двух крайностей'. Эта семантика является еще одним подтверждением изначального синкретизма пространственно-временных представлений высшего уровня абстракции, свойственного этимону.

Само слово *межа* имеет общее топологическое значение: *межда* цслав. 'расстояние, промежуток двух предметов, мера' при *межа́* 'расстояние между двумя предметами'; ср. *межина*: 'пустырь, пролет, прогал в лесу, селении, городе; площадка, проем, пролет между избами', 'черта, проведенная на земле, которая ограничивает какое-нибудь пространство в некоторых играх' (пск.) и *межинный* 'к пролету, прогалу относящийся'.

Также в говорах встречается несколько собственно ландшафтных значений данного слова: 'просека в лесу, обычно с канавой вдоль нее' (карел., ленингр.). *Межа* и ее дериваты обозначают не линейные объекты, а объекты, обладающие площадью: 'о неровной поверхности

(кочках у камней), поросшей травой', 'склон возвышенности, оврага, поросший травой', 'высокий травянистый склон' (пск., селигер.), 'часть дна в реке, озере, отделяющая мелкое место от глубокого' (пск.); *межѣина* 'травянистый пологий берег реки или озера, откос' (арх., карел.), *межѣинка* 'место, поросшее травой' (селигер.); ср. также *межеви́нка*, *межѣйнка*, (от *межевой*) 'небольшая низина у края леса, и т. п.' (волог.).

Межа и его дериваты обозначают в большей степени спациальные ландшафтные объекты (которые могут иметь также свойство линейности), при этом разграничение может иметь универсальный характер: изменения среды, рельефа или растительного покрова.

Как и в литературном языке, основное значение *межи* в говорах формулируется как 'граница между сельскохозяйственными участками в виде нераспаханной полосы (на которой растет трава)' *межѣ* (*мѣжа*) (волог., орл., приирт., пск.).

Даже когда в данном гнезде проявляется семантика обработки земли, это всегда связано с обозначением скорее промежутка как результата подобного воздействия; поэтому закономерно появление в нем идеограммы 'борозда' *межѣ* (урал.), *мѣжка* (новг.).

При межевании единоличных земельных участков степень освоенности как обработанности выдвигается на первый план, при этом актуализируется не столько сама техника межевания, сколько характер обработки присваиваемого участка (семантический акцент переносится на сам обрабатываемый участок).

Само понятие *межи* представлено в говорах не только самим словом *межѣ*, но и другими дериватами данного этимологического гнезда. Однако представление о *меже* как о границе коллективных земельных наделов также присутствует в исследуемом этимологическом гнезде, хотя эти представления ареально ограничены западными говорами.

Как и в случае с *гранью* / *границей* в исследуемом этимологическом гнезде наблюдается идеографический разброс конкретных техник *межевания*. Однако, как мы выяснили, это имеет совершенно иную подоплеку, чем в случае дериватов корня *гран-*. Если в случае *границ* / *границы* вследствие разнообразных аттракций важен процесс возделывания земли, то в случае *межи* в большинстве случаев мы имеем дело с промежутком, с нарочито оставленным пропуском при возделывании земельного участка. *Межа* изначально линейна. Очевидно, что первоначальный семантический импульс в данном случае задан бинарной моделью освоения земельных участков: *межа* предполагает двойной взгляд на границу освоенного пространства: «мой» и «соседский». Эта «ближняя перспектива» *межи* спациальна: в таком понимании *межа*

обозначает некую область пространства, не принадлежащую ни «мне», ни «соседу», или – принадлежащую с точки зрения хозяйственного освоения всем членам общины. Это единоличный взгляд на присваиваемое пространство. Развитие категории вложенности в рамках данного гнезда оказывается практически невозможным: актуализируемая пространственная модель имеет не один, а два центра.

Пятая глава **«Контекстуальный анализ репрезентантов территориальных семантических объединений этимологических гнезд корней *гран-* и *меж-*: ретроспективный аспект»** дает представление об исторической перспективе развития семантики дериватов исследуемых основ.

Первый раздел пятой главы посвящен понятийному и концептуальному замещению слова *грань* словом *граница* в письменной традиции русского языка.

Семантика абстрактного деления умозрительного пространства, характерная для переносных значений слова *грань* и некоторых его коррелятов (*грань*, *грано*), появляется в данном поле также достаточно рано – в памятниках древнерусского периода развития языка. Семантика межевания достаточно широко представлена в исследуемых исторических свидетельствах. Само слово *грань* имеет терминологизированную реализацию идеограммы ‘межевой знак’: *грань* – ‘двѣ черты наперекрестъ Х’ [Срезневский 1: 585], ‘знак (владельческий, межевой, порубежный), высекаемый на какой-либо поверхности’ [СРЯ XI–XVII вв. 4: 122]; также лексема *грань* в том же значении [Там же]; в качестве репрезентанта данного значения выступает и лексема *граница* [Там же: 123]. Мы считаем, что мотивирующей в данном случае явилась именно семантика существительных, а глагол *гранити* развил значение ‘высекать особые знаки (межевые, порубежные) на какой-либо поверхности’, то есть особого обозначения принадлежности территории путем «затесывания» дерева позже появления самой реалии межевой отметки, как и глагол *огранити* – ‘обозначить границы земельного участка, высекая особые межевые знаки (грани)’ [Там же 12: 258].

Данный понятийный блок отражает цепочечную модель территориальной границы, которая обусловлена движением наблюдателя по периметру присваиваемого участка земли, пусть даже в большинстве случаев это движение умозрительно (при этом прагматика подобных текстов предполагает неплохую ориентацию читателя на данной местности): //А отъ сосны мхомъ тропюю на березу на старыя граны, а отъ старыхъ гранъ тропюю на старую яму// [СРЯ XI–XVII вв. 4: 122]. Восстанавливаемая модель указывает на «пешую» стратегию освоения

пространства: для того, чтобы закрепить за собой земельный участок необходимо обойти его по периметру. При этом сама эта стратегия неразрывно связана с землей, присваиваемой «впервые». Каков бы ни был характер владения (единоличный или коллективный), данная модель лишена «взаимной» бинарности, предполагающей не только взгляд изнутри своего пространства, но и «ответный» взгляд соседа. В Средневековье еще различалась разница маркировки присвоенного участка с помощью *грани* и *межи*: //Кто межу сораль или грани ссѣкъ, ино того бити кнутіемъ// [Срезневский 1: 585].

При нечетко сформулированном значении, контексты XIV в. указывают именно на семантику ландшафтного ориентира: ‘terminus’ //Отъ Коркорова поля по сосновую границу отчины ихъ// [Срезневский 1: 584–585] и ‘граница, рубеж’ //і з дубровами. і с пасиками. со всѣми границами// [СРЯ XI–XIV вв. 2: 385]. Задача «подробного» описания *границ* частью снимается, так как «цепь контрольных точек» уже воспринимается как непрерывная линия: //А ко млину граница горѣ// [Срезневский 1: 584–585].

Доминирование топосоциальных коннотаций, связанных с условным восприятием *границы*, то есть идея *границы* ментальной модели освоенного и присвоенного неким индивидуумом или коллективом пространства, *границы* ойкумены в рассмотренных исторических источниках неотделимо от понятия ‘государства’. Для русского языка это достаточно поздняя понятийная сцепка. Все же понятие ‘государственной границы’ наиболее ярко отражено в источниках XVII в., именно в этот период, на наш взгляд, происходит его окончательное закрепление в идеографической сетке русского литературного языка: //И которое гсдрьство с которым гсдарьствомъ имать границу, то есть рубеж// (XVII в.) [СРЯ XI–XVII вв. 4: 123].

В XVIII в. значение ‘государственной границы’ самого слова *граница* становится доминантным в системе его значений, окончательно формируется представление о *границе*-линии, «контрольные точки» на этой линии – это уже не столько ориентиры, сколько необходимые для взаимодействия с соседними государствами заставы и таможни: //На государственной границѣ на учрежденных пограничных таможенных... брать пошлины сверх тарифной ефимочной// [СРЯ XVIII 5: 221].

Данная семантика и в современном литературном языке является ядерной для исследуемого этимологического гнезда, как в основных значениях самого слова *граница* (‘линия, разделяющая территории государств; рубеж’: *турецкая граница (граница с Турцией)* [Ушаков 1: 616]) и его основного глагольного деривата *граничить* (*Монголия граничит с Россией*) [Ожегов: 143]), так и в дериватах от сочетания

за границей/за границу, и от прилагательного *граничный*, образованных посредством префиксов *по-* и *при-* (*пограничный*, *приграничный*).

Таким образом, можно утверждать, что в исследуемом этимологическом гнезде произошли важные когнитивные изменения: пешая стратегия освоения и присвоения пространства, предполагавшая серию контрольных точек-ориентиров, с изменением масштабов присваиваемого пространства трансформировалась в абстрактную операцию, при этом *границы* приобретали линейный характер. Путь, обозначенный *границами*, превратился в картографический «оттиск» сверхпанорамного взгляда на присваиваемую территорию. Семантика 'межевого знака' слова *грань* постепенно выхолащивалась, уступая место топосоциальному умозрительному конструкту *границы*. И *грань*, и *граница* изначально деактуализировали «чужое» пространство, являясь неотъемлемой принадлежностью «своего». Отсюда проистекает и территориальная «экспансия» *границы*, их постепенная специализация, подкрепляемая развертыванием фрейма «войны».

Во втором разделе пятой главы исследуются причины смещения частотного для древнерусского языка слова *межа* на периферию языкового узуса. При этом особое внимание уделяется рассмотрению топологических моделей, характерных для предлога между – грамматикализованной форме местного падежа двойственного числа от праславянского **medja* [ЭССЯ 18: 52].

Предлог *между* (и его морфологические варианты: *меж*, *помежи*, *промеж/промежи* и т. п.) задает базовую бинарную модель пространства, внимание наблюдателя сосредотачивается как на самом промежутке, так и на самих разграничиваемых данным промежутком областях (или объектах) в равной степени. Это значит, что поляризованная модель пространства в данном случае не зависит от категории «свой/чужой», так как «свой» и «чужой» автоматически приравняются друг к другу. В данном случае можно говорить о простейшей, базовой бинарной модели пространства Лейбница. Однако классическое пространство Лейбница предполагает бесконечное множество соотнесенных монад, отсюда – умножение простейшей бинарной модели промежутков между объектами, мыслимых равными, следовательно, возникновения модели множественной соотнесенности, которая в конечном итоге дает еще один вариант пространства, условно называемого «средой», где не только нивелируются различия между самими соотносимыми объектами, но их совокупность начинает восприниматься как гомогенное супер-вместилище.

Данные модели рассматриваются на примере контекстуальных реализаций исследуемого предлога в идеографических сферах наивной физики, геометрии и географии.

Уже в праславянскую эпоху семантические связи внутри данного гнезда были разнообразны и предполагали не только соотнесение *межи* с конкретным обрабатываемым наделом земли, но и с надстройкой абстрактного мышления (представление о срединном местоположении объекта). Тем не менее, одним из устойчивых значений слова *межа ж.* вплоть до недавнего времени является ‘граница, рубеж земельных угодий, владений’: // *Каинъ же, ратаи сыи, по ѡсоужении злѣ поживе, наипервѣ числа и оуставы и межѣ земныа замысли (ὄρος)* // [СРЯ XI–XIV вв. 4: 518].

Однако в древнерусский период наиболее частотным значением этого слова было ‘рубеж, черта, граница’ (и ‘линия фронта’): // *И размѣривше межи обѣма полкома* // (XIV в. ~ X в.) [СРЯ XI–XVII вв. 9: 65], // *Володаръ же и Василко побѣдивша стапта ту рекуща доволеть нама на межи своеи стати и не идоста никамо же* // (~ XI в.) [Срезневский II, 1: 123; СРЯ XI–XVII вв. 9: 65]. Таким образом, *межда* и *межа ж.* воспринимались как ‘предел, граница’ земли, принадлежащей скорее некому коллективу, а не отдельному индивидууму (или хозяйству).

Межа и производные данного слова изначально соотносятся с маркированием присвоенной земли с помощью ее обработки. Таким образом, *межа* ассоциируется (до сих пор) скорее с модификациями значения ‘знак границы земельного надела’ (‘межевой знак’) – ‘межа, нераспаханная полоса земли между соседними полями, угодьями’, ‘земляной вал на границе соседних владений’ // *Учинить тѣ межи широки жѣ и высоки* //, ‘межевые ямы и борозды’ // *межи учинити крѣпкие той пашенной землѣ, ямы выкопати и борозды выорати* // [СРЯ XI–XVII вв. 9: 65].

Результаты межевания с определенного времени нуждались в соответствующей документации. Зафиксировано несколько репрезентантов значения ‘документ о размежевании земель (в нем были зафиксированы *межи, границы* полей и угодий)’ – *межевая ж.* (XIV в.) (от *межевая выпись, межевая грамота, межевая память*, и, вероятно, *межевая книга* отсюда – *межевые книги* [СРЯ XI–XVII вв. 9: 69–70; СРЯ XVIII в. 12: 118]) и др. Эта «закрепленность» за сферой имущественно-правовых отношений, а также за сферой самой технологии измерения и маркирования присвоенной земли приводит к постепенному сужению семантических потенций гнезда, хотя к XVII в. в нем и формируется блок значений, связанных с обозначением границ государств

ва (ср.: особая должность *межевого посла*, *межевание* ‘определение государственных границ’). *Межа* привязана к земле, возможность ее абстрагирования и перехода в разряд категорий ментального пространства с течением времени минимизируется.

В **заключении** подведены основные итоги исследования, сформулированы обобщающие выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статья, опубликованная в рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. *Попова Е. В.* Об исторической перспективе развития семантики в словообразовательном гнезде основы **gran-/*gron-* (на материале русских народных говоров) // Язык и культура. 2012. № 1(17). С. 29–35. 0, 5 п. л.

Другие публикации:

2. *Попова Е. В.* Образ границы в патриотических песнях 30-х гг. XX в. // Этнолингвистика. Этимология. Ономастика : материалы Международной конференции 9–12 сентября 2009 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2009. С. 220–222.

3. *Попова Е. В.* О семиотизации концепта граница // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов 2010». http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/

4. *Попова Е. В.* Об исчезнувших текстовых идеограммах слов *грань, грань, grano* и их производных // Слово в традиционной и современной культуре : тезисы III межвузовской конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2011. С. 65–67.

5. *Попова Е. В.* О растительной семантике слова *грань* // Язык. Культура. Коммуникация : материалы VI международной научно-практической конференции. 4–5 апреля 2011 г. Челябинск, 2011. С. 169–170.

6. *Попова Е. В.* «Хитрость Дидоны»: к семантической реконструкции одного этимологически темного слова // Антропология. Фольклористика. Социolingвистика: конференция студентов и аспирантов : сборник тезисов. Санкт-Петербург, 22–24 марта, 2012. С. 78–81. [Электронный ресурс: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf#page=78]

7. *Попова Е. В.* Реализация пространственной модели ‘центр’ – ‘периферия’ в этимологическом аспекте // Этнолингвистика. Этимология. Ономастика : материалы Международной конференции 8–10 сентября 2012 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 213–214.

Подписано в печать 01.02.2013. Формат 60 x 84 1/16
Бумага для множительных аппаратов.
Усл.-печ. л. _____. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ИПЦ УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4